

# Главный мим Большого театра

## В НОВОМ КАЧЕСТВЕ

*Игорь ЧЕРНЫШЕВ, едва ли не единственный из наших хореографов, работавших вне столичных театров и не тративших время на зарубежные поездки, приобрел известность и признание. Находясь как бы в тени, он тем не менее время от времени напоминал о себе столичным балетоманам спорными, но незаурядными спектаклями. В этом году Игорь Александрович отмечает 40-летие творческой деятельности, а в конце прошлого ему была предложена должность художественного руководителя мимического ансамбля Большого театра...*

**- Игорь Александрович, как получилось, что вы сейчас работаете в Большом?**

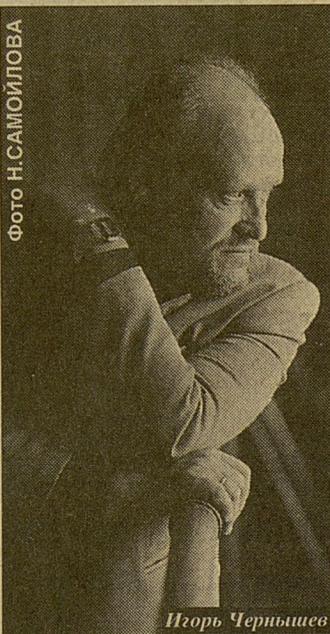
— В один из своих приездов в Москву я попал на премьеру постановки Владимира Васильева "О, Моцарт, Моцарт!", которая мне очень понравилась. Я от души поздравил Васильева. Потом мы разговорились. Последний раз мы так долго говорили очень давно — в 1968 году: он пришел на мой первый балет "Антоний и Клеопатра", поставленный в Малом оперном театре. Когда Васильев стал генеральным директором Большого театра, он пригласил меня работать. "Я вообще удивляюсь, — сказал он, — как ты выдержал такой марафон в периферийных театрах".

**— Действительно, двадцать пять лет работы на периферии — это немало. А почему вы, будучи солистом Кировского, ныне Мариинского театра и сделав свои первые балетмейстерские работы в северной столице, вдруг из нее уехали?**

— В том же 68-м году (мне было 30) я показал в Москве, на Конкурсе молодых балетмейстеров номер "Памяти поэта" на музыку В.Успенского. Все исполнители и композитор заняли первые места, а мне даже грамоты участника конкурса не дали. Кто-то сказал, что на обсуждении против меня выступил мой любимый хореограф, которого считаю своим учителем, — Леонид Якобсон. Я был поражен и, встретив его в фойе, спросил, в чем дело. Он мне раздраженно ответил: "Ты что думаешь, поставил один спектакль, и перед тобой откроются все дороги? Нет, ты будешь, как я, двадцать лет по периферии болтаться. А потом, как судьба повернется...". Его предсказание сбылось. Тогда в Кировском мне прямо сказали, что у меня не будет возможности ставить свои балеты. А очень хотелось. И когда мне предложили работать балетмейстером в Одесском театре оперы и балета, я уехал. В результате — пять лет в Одессе, потом сезон — в Кишиневе и двадцать лет в Куйбышеве — Самаре.

**— Вы там сделали массу спектаклей, в Самаре были главным балетмейстером, руково-**

фото Н.САМОЙЛОВА



Игорь Чернышев

**дили труппой. Наверное, все это забываемое...**

— Да, но, кроме сожалений, ничего нет. Потому что вечные мытарства, проблемы, постоянно что-то просишь у власти или что-то им доказываешь. Сколько раз я выступал, говорил, что, если город имеет театр, он должен вкладывать в него средства!

Труппа тоже все время в критическом состоянии. Мало-мальски талантливые люди думают только об одном — как бы вырваться отсюда в столицу или за рубеж и заработать денег. На моей памяти сорок артистов уехало из куйбышевского балета. Я их осуждал, а потом оглянувшись, задумался — и мне и самому захотелось уехать. Ведь уходят артисты — погибают спектакли. А как тяжело держать в репертуаре классику! С двенадцатью балеринами делаешь "Спящую красавицу". С десятью танцовщицами — "Спартак", они переодеваются мгновенно, как когда-то Райкин в своих миниатюрах.

Я поставил и возобновил более восьмидесяти балетов, но в провинции они никому не нужны, я делал спектакли "в корзину".

**— Разве не было хоть каких-нибудь творческих радостей?**

— Не было. Даже моя "Ангара", которая прогремела на всю страну, монтировалась ночью, и, как всегда, не хватало денег. Очень раздражало и то, что отношение к артистам и спектаклям зависело от настроений и сомнительных вкусов С.Хумарьян, теперешнего начальника управления культуры при Самарской областной администрации. Это просто произвол какой-то. А жуткая самарская критика, которая обливала грязью то оперу, то балет, то меня лично! Да ведь тяжелая атмосфера не только меня душила: здесь пропали роскошные голоса, замечательные артисты. Провинция рождает таланты, но и губит их. Хотелось другой жизни, другого театра и другой балетной труппы.

**— Но ведь в Большом театре у вас не труппа, а мимический ансамбль...**

"Ну и что? Некоторые мои друзья" не прочь намекнуть на непрестижность этой моей новой должности. А я считаю, что это ерунда. Главное — работа. Я работаю здесь с удовольствием, мне очень нравится коллектив, и я стараюсь быть ему полезным.

**— Вы подготовили свою версию "Болеро" Равеля, которую собирались показать на "Вечере современной хореографии", однако...**

— Этого не произошло. Конечно, мне очень жаль. "Болеро" — вся моя жизнь. Начал я ставить балет в 68-м году для Михаила Барышникова как сольную конкурсную миниатюру. Узнав об этом, тогдашний главный дирижер театра — Симеонов — сказал: "Передайте тому, кто сократил музыку "Болеро" наполювину, руки-ноги за это оторву". И я, поняв, что он абсолютно прав, не стал продолжать. В Одессе начал делать на танцовщика и женский кордебалет — не получилось. Но репетиции увидела приехавшая в город Валентина Ганнибалова, захотела это танцевать, и я сделал для нее вариант "Болеро" — она долго с ним выступала. Но меня эта постановка не удовлетворяла, требовалось другое хореографическое воплощение. В 88-м году в Самаре я сделал еще один вариант. Партию ведущей танцовщицы исполнила уже Инесса Румянцева.

**— А сейчас вы что-нибудь репетируете?**

— Одноактный балет "Ромео и Юлия" на музыку Берлиоза. Он тоже сопровождает меня всю жизнь. Когда-то я сочинил его на Наталью Макарову. Сейчас я работаю над "Ромео и Юлией" с балетными артистами миманса, у меня заняты пять пар и четыре солиста. Это, конечно, не та масштабная постановка на всю драматическую симфонию Берлиоза с хором и певцами, которая была осуществлена в Куйбышеве. Да я и не надеюсь на показ балета в Большом, ведь со своей блестящей постановкой "Ромео и Юлии" приглашен Бежар. А мою (я разговаривал с В.Гергиевым), может быть, удастся сделать в Мариинском театре. Еще репетирую свою "Золушку" с ребятами из школы Михаила Лаврова — это будет практически новая постановка.

**— Но все же вы хотели бы, наверное, что-то представить и в Большом?**

— Я с удовольствием показал бы спектакль "Казнь Степана Разина" или "Бабий яр" на музыку Шостаковича, тем более что ему посвящен нынешний год.

Есть в планах и совсем новое, не похожее на то, что было у меня раньше. Моя давнишняя мечта — балет на музыку Баха "Страсти по Матфею". Пока сделал эскиз.

Знаете, у меня нет цели непременно ставить в Большом театре, и я не возлагаю на это особых надежд. Получится — хорошо. Но если я даже ничего не поставлю в Большом, мне все равно очень хорошо здесь жить и работать.

Беседу вела  
Светлана САМСОНОВА